

Васька-пьяница и Кудреванко-царь

А-й ишше шли где туры подле синё морё,
Да и поплыли туры за синё морё —
Ишше выплыли туры да на Буян-остров
Да идут по Бояну, да славну острову.
А-й как настречю — туриця златорогая,
Златорогая туриця да однорогая,
А им же туриця — родна матушка:
«Уж вы здрастуйте, туры да златорогие,
Златорогия туры да однорогие!
Уж вы где были, туры, да чего видели?» —
«Уж мы были где, матушка, — во Шахове,
Да во славном-то городе во Ляхове.
А слуцилосе итти нам мимо красен Киев-град,
А мимо Божьею-то церковь да воскресенскою —
Уж мы видели цюдышко перецюдною:
А-й выходила девиця да из Божьей церкви,
Выносила она Книгу да на буйной главы,
Забродила в Неву-реку по поясу,
Да и клала тут Книгу на сер-горюць камень,
Она клала, читала да слезно плакала!»
А говорыт-то им матушка родимая:
«Уж вы глупыя туры да неразумныя!
А не девиця выходила да из Божьей церкви —
Выходила Божья Мати да Богородица,
Выносила она Книгу — да всё Евангельё,
Забродила в Неву-реку по поясу,
Она клала тут Книгу на сер-горюць камень,
Она клала, читала да слезно плакала:
Она слышит над Киевом незгодушку!
Подымаицсэ на Киев да Кудреванко-царь
А да с любимым-то зятелком со Артаком,
Он с любимым-то сыном да всё со Коньшиком.
Да у Артака силушки — сорок тысицей,
Да у Коньшика силы — да сорок тысицей,
У самого Кудреванка — да цисла-смету нет,

Цисла-смётушку нет да пересметины!..»
А закрыло луну да солнышко красного,
А не видно ведь злата светла месеця
А от того же от духу да от тотарьского,
От того же от пару да лошадиного:
Как наехала в цисто полё силушка великая —
Да натыкали копейця да всё булатныя,
А как буди сузёмок да лесу темного;
А роздёрнули шатры да чернobarхатны.
Заходил Кудреванко да во черен шатёр,
Да садилсэ Кудреванко да за дубовой стол,
Да садилсэ Кудреванко да на ременьчат стул,
А писал ёрлоки-ти да скорописьмяны.
А не пером он писал дак не цернилами —
Вышивал он как золотом по бархату;
А-й написал ёрлыки дак запецятывал.
Выходил Кудреванко да из черна шатра,
А кричал Кудреванко да громким голосом:
«Уж вы ой еси, пановья-улановья,
Уж вы сильние-могуцие боғатыри,
Уж вы все поленици да преудалыи!
Ишше хто из вас съездит да в красен Киев-град
Да к тому же ко князю да ко Владимиру,
Отвезёт ёрлоки да скорописьмяны?»
И да на то же Кудреванку да всё ответу нет.
Говорыл Кудреванко да во второй након,
Говорыл Кудреванко да во третей након:
«Уж вы ой еси, пановья мои, улановья,
Уж вы скверные поганые тотаровья!
Ишше хто же из вас съездит да в красен Киев-град
А ко тому же ко князю да ко Владимиру,
Отвезёт ёрлыки да скорописьмяны?..»
Из того же из полцишша да из проклятого,
Из того из полка да из великого
Тут выскакивало длинной Издолишшо,
А берёт ёрлоки-ти да во белы руки,
Да крутешенько Издолишшо коня седлал,
Да ишше того скоре да на коня скакал.
А-й да поехал тотарин-от не дорогою,

Он в город-от заехал да не воротами —
А скакал он через стену да городовую,
Через те через башонки наугольные.
Он прямо ведь едѣт да ко красну крыльцу,
Да ко той же ко грыни ко княженецкое.
Становил он коня дак не привя[за]на,
Не привязана коня да не приказана.
Тут крутешенько Издолишшо на крыльцо бежал:
Он не спрашивал дверей и не придверьников,
Он не спрашивал ворот и не приво[ро]тников —
Он прямо бежит да светлу грынѣнку.
Он Богу, тотарын, да всё не молицсѣ,
Он и князю Владимиру целом не бѣёт
Да Опраксеи-королевисьни цѣху не здрастуѣт.
Он бросал ёрлыки-ти на дубовой стол,
Сам крутешенько Издолишшо вон бежал,
А ишше того круче да на коня скочил.
Да поехал тотарин да не дорогою,
Он з города поехал да не воротами —
А скакал он через стену да городовую,
Через те же через башонки наугольные
Да во те же во полки да во проклятые.
Тут и брал князь Владимир ерлыки-ти во белы руки,
Он брал ёрлоки-ти да роспецятывал,
Он читал ёрлоки-ти да головой качал,
Головой он качал, сам слезно плакал же.
Говорыл князь Владимир да таково слово:
«Уж ты ой еси, Опраксия-королевисьня!
А-й наступает на нас силушка великая —
Наступаѣт на нас да Кудрѣванко-царь
А да с любимым он зятѣлком со Артаком,
Да с любимым со сыном да он со Коньшиком.
Да у Артака силушки — сорок тысецей,
Да у Коньшика силы — да сорок тысецей,
У самого Кудрѣванка — да цисла-смету нет,
Цисла-смѣтушку нету да пересметины!»
Говорыл князь Владимир да таково слово:
«Соберѣм-ко-се мы да нонь почесьѣн пир
Да про тех же про князей, про бояров,

Да про тех же купьцей-гостей торговые,
Да про руських могущих боғатырей,
Да про тех полениц да приудалые,
Да про тех же хресьянушок прожитосьних,
Да прожитосьних хресьян да хлебопахотных!..»
А собирал князь Владимир да тут почесьён пир.
Ишше много собиралось да князей-бояров,
Да и много собиралось купьцей-гостей торговые,
Ишша много собиралось хресьянушок прожитосьних,
А прожитосьних хресьян да хлебопахотных,
И да и много собиралось руських боғатырей,
Да и всех полениц да приудалые.
Да и все на пиру да напивалисе,
Ишше все на чесном да наедалисе —
Ишше все на пиру да пьяны-весёлы.
Тут Владимир-князь по грынёнки похаживат,
Он повесил буйну голову со могущих плець,
Потопил он оци ясны в мать сыру землю,
Ишше сам из рецей дак выговарыват:
«Уж вы ой еси, пановья-улановья,
Уж вы руськи могущии боғатыри,
Уж вы все же купци-гости торговые,
Уж вы все же хресьянушка прожитосьни,
А прожитосьни хресьяна да хлебопахотны,
Уж вы все поленицы да приудалые!
Ишше хто из вас съездит да во цисто полё,
Приусметит бы силушку у татарина?»
А-й больш-от хороницьсе за среднёго,
Ишше средней хороницьсе за меньшого.
А от меньшого до большого — ответу нет!
Говорыл князь Владимир да во второй након,
Говорыл князь Влдимер да во третей након.
А и-за той же брусьцятый да белой лавоцьки,
И-за той же скамейки белодубовой,
З-за того из-за стола из-за дубового
Выстават тут удалой да доброй молодець,
Кабы на имя Добрынюшка Микитиць млад.
*(А-й да во ту же пору да всё во то время
Да старого Ильи Муромца да не слуцилосе:*

Как уехал старой-от да во цисто полё).
Да и близко Добрынюшка подвигаице,
Да и низко Добрынюшка поклоняицэ:
«Уж ты солнышко Владимир, князь стольне-киевской!
А ты позволь, князь Владимир, да мне слово сказать —
Не позволь, князь Владимир, да за слово казнить,
За слово меня не бить, скоро не весити!» —
«И говори-тко, Добрынюшка, що те надобно!» —
«Да во том во кружа«л»и у нас восударёвом,
А-й да на том же царевом да большом кабаки
Ишше есь у нас Вася, горька пьяница!
Да и коницёк у Васеньки весь пропитой,
Да и сбруюшка у Васеньки призаложона,
Да не в многи, не в мале — да в сорок тысецях!»
Ишша тут князь Владимир да не-й ослушалса —
А нахватил он ведь кунью шубочку, собольюю,
Обувал же колоши да на босу ногу —
А побежал по кружалу да восудареву
Да на тот же ведь он да на царев кабак —
Прибегал тут Владимир да на царев кабак.
Да и спит Васька на печьки да на муравленой,
Да рогозкой Васильюшко приокуталсэ;
Да и Васенька спит — да как порог шумит.
И побудил он Васильюшка, горьку пьяницю:
«Уж стань-ко, Василей, да горька пьяница,
Да пойдём-ко, Василей, да на почесьён пир!»
Ото сну-то Васильюшко пробужаицэ,
Со великого похмелья да просыпаицэ —
Говорыт тут Василей да таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевской!
А не могу я ведь стать да головы подынять:
Ишше нецим мне, молоццу, оправицэ,
Ишше нецим Васютки да опохмелицэ!
Да и коницёк у меня да весь как пропитой,
Да и сбруюшка у мя вся призаложона!»
А говорыл князь Владимир да таково слово:
«Уж ты ой еси, цюмак да цоловальницок!
Ты налей-ко-се цяру да зелена вина,
Не велику и не малу — да полтора ведра!»

А наливал ему цяру да зелена вина,
А не велику, не малу — да полтора ведра.
Тут и брал князь Владимир да цяру зелена вина,
Подавал же Васильюшку, горькой пьяници.
А-й да прымал же Васильюшко единой рукой —
Выпивал же Васильюшко к едину духу.
Слезывал тут Василей со пеценьки муравленой,
Говорыл князь Владимир да таково слово:
«Уж ты ой еси, цюмак, да цёловальницёк!
Ты налей-ко-се цяру да зелена вина,
Не велику, не малу — да полтора ведра!»
Наливали тут цяру да во второй након,
Подавали и Василью, да горькой пьяници.
Да прымал же Васильюшко единой рукой —
Выпивал же Василей да к едину духу.
Тут Василей стал по кабацьку похаживать,
Он могуцима плецёми да пошевеливать,
Он белыма руками да прирозмахивать,
Ишше сам из рецей стал выговарывать:
«А ишше был я старык да девеноста лет —
Ишше стал молодець я дваццати годов!»
Повели же Васюльюшка на почесьён пир,
Да садили и Василья да за дубовой стол,
Наливали тут цярьцьку Васьки зелена вина,
Не велику, не малу — да полтора ведра.
Как прымаёт Василей-от единой рукой —
Выпиваёт Василей да к едину духу.
Наливали тут цяроцьку зелена вина,
Не велику, не малу — да полтора ведра,
А подавали Василью, да горькой пьяници.
Да прымал же Василей да единой рукой —
Выпивал же Василей да к едину духу.
Тут Василей стал по грынёнки похаживать,
Он могуцима плецями да пошевеливать,
Он белыма руками да прирозмахивать,
Ишше сам из рецей стал выговарывать:
«Уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевской!
Да и коницёк у мя как весь ведь пропитой,
Да и сбруя боғатырьска да призаложена, —

Ишше нецим мне съездить да во цисто полё,
Приусметить мне силушку у тотарина».
Говорыл князь Владимир да таково слово:
«У кого у тя сбруюшка призаложена?» —
«Да сбруя у цюмака, у цёловальника!»
А говорыл князь Владимир Добрынюшки Микитицю:
«Уж ты ой еси, Добрынюш[к]а Микитиць млад!
Ты пойкí-сходи да на царев кабак
Да к тому же к цюмаку, да к цёловальнику —
Да пушшай он отдас нам сбрую боғатырскую!»
Ишше тут же Добрынюшка не-й ослушалса,
Да пошол же Добрыня да на царев кабак
Да за той же за сбруей боғатырское.
Да приходит Добрыня да на царев кабак,
Говорит тут Добрыня да таково слово:
«Уж ты ой еси, цюмак, да цёловальницёк!
Уж дай-ко, отдай да сбрую богатырскую
Да того же Васильюшка, горька пьяницы!..»
Ишше тут цёловальницёк не-й ослушалсэ.
Да и брал целовальник да золоты ключи,
Отмыкал он амбары да оковáные,
Выдавал он всю сбрую да боғатырскую:
Отдавал он три вострых да ему сабельки,
Отдавал три копейця да все булатные
(А не малы, не велики да копя — по семи сажен!),
Отдавал ведь он тугой лук розривцивой,
Отдавал он налуцишшо каленых стрел.
Да пошол целовальник да на конюшен двор,
Выводил он коня да боғатырского
И того же Василья, да горькой пьяници, —
Отдават же Добрынюшки Микитицю.
Как брал же Добрынюшка добра коня
Да повёл же коня да ко Владимиру.
Да идёт же Добрынюшка [на] почесьён пир
Да со той же со сбруей да боғатырское.
Говорыт тут Василей, да горькая пьяница:
«Уж ты ой еси, Владимир стольне-киевской!
Уж ты дай мне-ка нонь да два подрусьницька:
Во-первых-де, Добрынюшку Микитиця,

Во-вторых-де, Олешеньку Поповиця —
Да пойдём-ко-сь мы выйдём на высок балхон
Да посмотрим на силу да на тотарскую!»
Говорыт князь Владимир да таково слово:
«От поди-тко, Василей, да на высок балхон!»
Тут пошел же Василей да на высок балхон —
Он и брал сибѣ тугой лук розрывцивой,
Он брал же трубочку подзорную.
Да пошли же они да на высок балхон,
Он тут гледел тут, Василей, в трубочку подзорную —
Да не мог он увидеть конца силы великое.
Ишше тут-то Василей да при(й)ужакнулсѣ.
Усмотрел же Василей да он черной шатёр —
Натягал он как тугой да лук розрывцивой,
Натягал он тетивоцьку шолковую
Да и клал как стрелоцьку каленую,
Ишша сам он ведь стрелоцькам прыговарыват:
«Уж ты ой еси, стрелоцька каленая!
Полети ты-ко-сь, стрела моя, по поднебесью!
А не падай не на воду, не на землю —
А пади Кудреванку да во белы груди,
Да розрежь у Кудреванка да ретиво серьцѣ!»
Полетела его стрелоцька каленая,
Да не пала не на воду, не на землю —
Да прямо она пала Кудреванку на белы груди,
Росколола Кудреванка да ретиво серьцѣ.
А ишша тут же вся силушка присмешаласѣ:
Упал Кудреванко да со ременьчат стол.
Собиралисѣ три удалы да добрых молоцца:
Во-первых-де, Василей, да горька пьяница,
Во-вторых-де, Добрынюш[к]а Микитиць млад,
Во-третих-де, Олешенька Поповиць млад;
И брали и доспехи да они богатырские,
Да поехали они да во цисто полѣ,
Да на ту же напали на силу на тотарскую.
Да куль да они едут — да тут и улицы,
Да куда они вернут — дак переулоцьки, —
Приусметили всю силу да у тотарина,
Привезли пересметку да в красен Киев-град

Ко тому же ко князю да ко Владимиру.
Да и даве шол пир дак не навесели,
Ишша все же сидели головушки повесили —
А тепере пошол-от пир да навесели!
Тут Владимир-князь по грынёнки похаживат,
Он сапог о сапог да поколачивал,
А он куньею шубоцькой прирозмахивал,
Он русыма кудреми да принатрехивал,
Он злаченыма перснями да принашшалкивал,
Ишша сам из рецей да-й выговарывал:
«Уж ты ой еси, Васильюшко, горькая пьяница!
Уж ты поди-ко возьми да золоты ключи,
Отмыкай-ко сондуки да окованныя,
Ты бери-ко казны, да сколько тебе надобно!»
Говорыт тут Василей да таково слово:
«Уж ты солнышко Владимир-князь стольне-киевской!
Мне не надобно твоя да золота казна,
А только дай мне вина ведь пить безденежно —
Да куда мне-ка ведь ноньце смерти нет!..»
Говорыт князь Владимир да таково слово:
«Уж ты ой еси, Василей, да горькая пьяница!
Ты живи-тко-сь у мя да во служеньици —
Уж ты пей-ко, съешь, да сколько надобно!»
(Поется, что он жил у него до смерти.)

(Зап. А. Д. Григорьевым 15 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Петрова Артемия Егоровича, 35 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень.СПб., 1910.